

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С36

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Силоч, Юрий Витальевич

С36 Союз нерушимый: роман / Юрий Силоч. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 448 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-118490-2

Отгремели ядерные взрывы, прокатилась по стране ужасающая война, и на пепелище, движимые ностальгией по «светлому прошлому», люди воздвигли новый Советский Союз — или, верней, страну, которая им притворялась.

Дворец Советов, компартия, плановая экономика, старые бренды и в то же время — компьютерные сети, кибернетика, полёты в космос, клонирование и роботы.

Этот мир хотели сделать миром Алисы Селезнёвой, но реальность внесла свои коррективы в мечты о всенародном счастье.

И майор КГБ Иванов, кибернетический рыцарь без страха и упрёка, ещё не знал, что ему придётся проверить, насколько нерушим возрождённый Союз «республик свободных».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118490-2

© Юрий Силоч, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

— Этих ещё не хватало... — процедил один из милиционеров, увидев, как я вылезая из чёрной служебной «Волги». Он знал, что я его услышу — не мог не знать, — а потому фраза явно была намеренным оскорблением. Но мне очень хотелось спать и, наоборот, не хотелось тратить драгоценное время на дураков. Двадцать шагов от высокого каменного бордюра Кутузовского проспекта, по которому неслись сквозь ночь яркие «Москвичи» и «Лады». Привычным движением я приподнял рукав пальто — и в воздухе соткалось спроецированное запястьем служебное удостоверение, подрагивавшее в холодном октябрьском воздухе.

— Майор Иванов, — представился я. — КГБ. Отойдите за ограждение и ждите дальнейших указаний.

Люди в форме и в штатском молча и без пререканий отошли в сторону, пронзая меня неприязненными взглядами. Закурили. Тот, что ругался, смотрел с особенной злостью, как будто я у него что-то отобрал.

— Иванов, как же, — пробубнил он себе под нос. — Все они... Ивановы.

Да-да, всё те же старые песни. Никто не любит сотрудников Конторы: не в последнюю

очередь потому, что подавляющее их большинство не полноценные люди, а клоны с имплантированной личностью. Да и времена «чёрных воронок» ещё слишком свежи в народной памяти.

Я выдыхаю, и изо рта вырывается белое облачко пара, которое поднимается, рассеиваясь. А на его фоне, прямо надо мной, возвышается громада Дворца Советов — почти километр яркой подсветки, стали, бетона, статуй, стекла и обновлённого учения марксизма-ленинизма. Для того чтобы увидеть вершину, где вращается ярко освещённая огромными зенитными прожекторами статуя Ленина, нужно задрать голову вертикально вверх. Дворец нависает, подавляет, вызывает трепет. Нелепый и гротескный центр Нового Союза Советских Социалистических Республик. Дурацкая попытка подражания стилю знаменитых сталинских высоток, стоящая на костях ещё более нелепого комплекса «Москва-Сити». Даже хорошо, что его разбомбили к чёртовой матери.

На мощённом плиткой тротуаре шириной с заводской цех лежал труп без куска головы. Подойдя поближе, я взглянул на лицо — верней, на ту часть, что уцелела, — и оно покрылось невидимой для сторонних наблюдателей ярко-зелёной сеткой сканера. Закрутился анимированный белый кружок загрузки — и у меня перед глазами возникло досье убитого. Я широко зевнул, отправив в полёт ещё одно облачко пара.

Золотарёв Михаил Даниэлевич. «Интересное отчество». Дата рождения есть, а вот дата смерти пока не заполнена — непорядок, опять программа сбоят. Русский. В партии почти с рождения. К уголовной ответственности не привлекался. Не женат. А вот это странно, особенно в нынешние-то времена, ког-

да множество русских мужчин лежат «в полях за Вислой сонной».

Впрочем, не будем отвлекаться. Трудовой путь: рабочая школа, в девять лет прикреплен к Арзамасскому танковому заводу. Затем государственный институт муниципального управления. Воевал: первый ближневосточный фронт, курсы политработников, первый белорусский фронт, ранение и служба на втором Сибирском в армии Лемешева. А, вот и понятно, почему не женат: вся Сибирь изгажена китайскими грязными бомбами, удивительно, что труп в темноте не светится...

Далее рост в звании до полковника политической службы, партийная работа, перевод из действующих частей в Москву и венец карьеры — тёплое кресло депутата Народного Собрания. Отличная карьера, ничего не скажешь. Фото и видеоархив я решил пропустить, переписку и историю поиска в Сети тоже — займусь этим потом.

Я посмотрел на убитого депутата и снова перевёл взгляд на сияющее здание Дворца. Пал Палыч живъём не слезет, пока убийца не будет найден и показательно осуждён: где ж это видано, в центре Москвы, в двух шагах от Дворца Советов убит не кто-нибудь, а целый депутат. Не то чтоб они были особо важны — законодательной властью Собрание можно было назвать лишь в кавычках, — но всё равно. Это был плевок в лицо.

— Я на месте, — отрапортовал я Пал Палычу, когда вызов от него зажужжал у меня в черепе. Фотографии убитого сменились изображением начальника — лысенького, толстенького, похожего на артиста Леонова, но, в отличие от него, с бесцветными серыми глазами настоящего чекиста.

— Дай картинку, — приказал он, и я переключил глаза в режим камеры. — Это точно он? — спросил шеф с надеждой.

— Точно, — ни с того ни с сего в моём голосе проявилось злорадство, неуместное и неожиданное для меня самого.

— Твою ж мать, — простонал начальник с такой тоской в голосе, что мне стало его даже немного жаль. — Ну твою же мать!.. Ты уже начал осмотр?

— Нет, я только прие...

— Тогда начинай! — резко сказал Палыч, и жалость тут же улетучилась. — Остальных ребят не жди, они когда ещё подъедут. И держи меня в курсе. Смотри, Сам будет меня насиловать, а я — вас. По цепочке.

— Да знаю я, знаю, — скривился я. — Можно было и не напоминать.

Пал Палыч отключился.

— Свальный грех, блин, — я выругался и приступил к осмотру.

Для начала ознакомился с заключением баллистической экспертизы и присвистнул от удивления: зависшая в воздухе ярко-красная линия вела к шпилью разрушенной гостиницы «Украина». Кто-то, стрелявший чертовски метко, сумел забраться на самый верх здания, которое уже давно собирались восстановить, но всё никак не могли взяться. Оно стояло так уже несколько десятков лет, скалясь выбитыми окнами из-за уродливой железобетонной стены-саркофага, — как древний замок с привидениями, полный смертельно опасных сокровищ. Во время первой грязной атомной бомбардировки постояльцы находились внутри, и ценное содержимое

отеля уцелело, но безбожно фонило, убивая неудачливых мародёров.

Пуля нашлась в десятке метров от трупa. Она прошла голову насквозь, ударила в мостовую, выбив изрядный кусок камня, и отскочила в сторону проспекта. Я подошёл и присел, рассматривая её поподробнее. Ничего особенного, обычный армейский боеприпас калибра семь—шестьдесят два. Я тихонько чертыхнулся: отследить простейшую пулю в мире, где уже несколько десятилетий шла война и оружие с боеприпасами производилось непрерывным потоком, было нереально. Когда настоящий я, ныне покойный, работал в московском уголовном розыске нулевых и десятых годов, это было бы несложно. Были знакомства, была агентура, да и стволов, способных на подобное, по всей Москве ходило штук десять одновременно. А тут... Впрочем, отставить упаднические настроения. Не отследим пулю — отследим что-нибудь ещё. А потом возьмём за яйца подонка, отстреливающего депутатов прямо у рабочего места, и покажем, что он был крепко неправ. Выпишем путёвку на урановые курорты южного берега Ледовитого океана.

Я уже возвращался к машине, когда вновь услышал недовольное шипение милиционера и решил, наконец, обратить на него своё внимание. Обернулся. Молодой старлей, светлые волосы, голубые глаза, крупные славянские черты лица, форма идеально отглажена, досье безупречно. Хоть сразу на плакат.

— Товарищ старший лейтенант, — устало выдохнул я. — В чём дело?

Стоявшие рядом милиционеры как по команде повернулись к оторопевшему коллеге и мрачно на него посмотрели, словно говоря: «Допрыгался, болван».

— В понедельник в двенадцать ноль-ноль жду вас у себя в кабинете.

Летёха крепко сжал зубы, но козырнул и сказал: «Есть!»

Злится. Ну и пошёл к чёрту. Поору и отпущу с миром, может, ещё проживёт, дурак, воспитает в себе правильные инстинкты. Если научится, на кого можно тявкать, а на кого нельзя.

— Давай к «Украине», — скомандовал я, усевшись на заднее сиденье и едва не прищемив дверью пальто. Установленный на месте водителя автопилот «Навигатор-М», похожий на пивную кегу с проводами, пискнул и поехал к ближайшей развязке, стоявшей на огромных сваях над обломанными бетонными зубами старого третьего транспортного кольца.

Мимо проносились дома — как новые, так и довоенные, реконструированные. Огни, огни, огни. Жёлтые, синие, белые, фиолетовые и, конечно, красные — их больше всего. Фонари, растяжки с лампочками, диоды, окна, подсветка зданий, наглядная агитация. По исполинской стене Дворца Советов пробегают одна за другой алые фразы: «Партия — наш рулевой», «Депутат из народа — слуга народа», «Победа будет за нами» и почему-то «Развивайте свиноводство».

Навигатор повёл машину очень странным маршрутом, руководствуясь какими-то своими принципами. Мы выехали на восстановленный участок третьего кольца, затем свернули на тёмную улочку, полную разрушенных домов, попетляли по району, промчались через пустой туннель и выбрались на Бережковскую набережную. Я мысленно обругал автопилот, поскольку терпеть не мог Москву-реку.

Первое время после репликации я был, как и все остальные сотрудники, шокирован, но позже как-то привык к окружающему миру. Ко всему, кроме Москвы-реки.

Ручей из бурой вязкой жижи, в которой виднелись остовы затонувших речных трамвайчиков и копошились существа настолько отвратительные, что пришлось на всех набережных строить электрические изгороди, вызывал у меня первобытный ужас. Ходило множество слухов о происхождении этих существ, но лично мне наиболее вероятной казалась та, что гласила о биологическом оружии, применённом во время первого удара. Учёные говорили, что эти твари нежизнеспособны и скоро вымрут, так что нужно всего лишь потерпеть, пока бывшие караси с окунями сожрут друг друга, но что-то ожидание затягивалось.

Навигатор привёз меня на место с опозданием в десять минут, за которые я едва не уснул в машине. Гостиница «Украина» была куда меньше Дворца, но выглядела более стильно. В ней чувствовался имперский дух, которого недоставало новоделу, больше похожему на офис. Если бы ещё не высокая бетонная стена, скреплённая массивными рёбрами и подпорками из ржавого железа, гостиницу можно было бы считать красивой. Во времена моей настоящей юности неформалы всех мастей согласились бы отдать правую руку за возможность посидеть тут на крыше, выпить дешёвого пива и поорать под гитару песни Летова. Это забавно: никогда не слышать своими ушами песен Летова, но помнить их почти наизусть.

Возле саркофага уже стоял наш любимый «чумовоз» — так мы называли машину службы

радиационной, химической и биологической экспертизы — из-за того, что перевозимые ими образцы были способны полностью выкосить население небольшого города. Рядом с ней на бетонном блоке сидел лысый человек в оранжевом скафандре.

— Валёк! — крикнул я ему издалека. Он увидел меня и замахал руками:

— Не подходи ближе! От меня фонит!

— И не собирался! Я к вашей машине до дезактивации ни на шаг! Передавай файл с отчётом!

— Лови!

Архивный файл оказался увесистым. Видеозаписи, куча фото. Я вернулся в машину и принялся его просматривать. Для этого пришлось запустить сознание в два потока, что хоть и грозило сумасшествием, но существенно сэкономило время.

Скелеты на кроватях и в коридорах, перевёрнутая мебель и тележки с чемоданами. Потёки сырости на стенах, проломы и провалы, битое стекло и дроблёный камень. Темнота, мрак, пыль и радиация. На полу — следы армейских ботинок сорок третьего размера. Стрелок шёл уверенно, широкими шагами, следовательно, хорошо знал план здания и торопился. Гильзу не нашли, зато винтовка лежала рядом с входом на крышу: как я и ожидал, обычная армейская, ничего примечательного. Прицел штатный, номер принадлежит восемнадцатой армии, что почти в полном составе погибла во время Смоленского сражения. Хорошо зачищенные следы ржавчины подтверждают предположение, что оружие копаное. Эхо войны. Видеозаписи с камер у гостиницы показывают нападавшего — рост метр семьдесят пять, худощавый, одет в чёрное и маску, закрывающую лицо. Возле «Украины» он спустил-

ся в старый канализационный люк (боже мой, ну и псих, там же один чёрт знает, что водится) и пропал с радаров. Вылезти он мог где угодно. Тупик.

Я остановил воспроизведение архива и некоторое время сидел, закрыв глаза — боролся с головокружением и ни на что не похожим чувством размноженного сознания.

Так. А теперь включаем логику.

Стрелок был очень хорош. Значит, совершенно точно прошёл снайперскую подготовку, воевал. Причём в боевых подразделениях. Рост есть, размер ноги тоже. Вкупе получается неплохой фильтр. Я вызвал Пал Палыча. Тот принял вызов не сразу и, судя по покрасневшим дряблым щёчкам, уже успел поддать.

— Нашёл чего? — подался он вперёд с отчаянной надеждой. Наверняка Палычу уже не раз звонили с самых верхов и требовали голову убийцы, угрожая оторвать его собственную.

— Да, кое-что есть. Удалённый доступ к базе, как всегда, работает хреново, поэтому организуй поиск по Московским и областным досье. Мне нужен мужчина, прошедший снайперскую подготовку и воевавший на фронте или в спецподразделениях. Рост — сто восемьдесят пять, размер ноги сорок три. Хотя нет. Он мог переобуться. К чёрту размер.

— И что ты предлагаешь? — набычился Палыч. — Чтоб сервера Комитета лопатили пятьдесят миллионов досье? Не жирно будет?

— Ну, тогда давай подождём, пока нас поймёт весь ЦК, — пожал я плечами.

Начальник зашипел:

— Умник хренов. Ладно. Но если из-за тебя сорвётся какая-нибудь операция, то...

— Ага. Заводите поиск, — устало сказал я и отключился. Шёл бы он в задницу. Только орать и умеет. Чует, что чистка уже рядом.

Время шло. Я сидел в машине, поплотнее закутавшись в пальто, грелся и смотрел в окно на то, как ярко горят разноцветные огни Москвы. В тот миг я чувствовал себя обманутым Колей Герасимовым. Да, однажды я очнулся в мире победившего коммунизма. Но тут не было ни космического зоопарка, ни флипов, ни машин времени. Здесь роботы Вертеры легко превращаются из спасателей в убийц, а на космодромах базируются не лайнеры до Марса и Венеры, а орбитальные ядерные бомбардировщики. Девятилетние девочки не играют в волейбол, зато умеют тяжело работать и по житейскому опыту дадут фору взрослым времён моей молодости. А Москва... Да, Москва изменилась. И меняется до сих пор, всё ещё восстанавливаясь после первой бомбардировки.

Палыч позвонил в самый разгар воспоминаний о моём последнем лете. Я катался на велосипедах по бульварному кольцу и ел мороженое. Тепло, всё зелёное, красота...

— Есть зацепки. Одна из них любопытнее остальных.

— Что там?

— Михаил Вьюнов, снайпер на втором Сибирском фронте.

— Каком-каком? — я подался вперед и заёрзал на сиденье.

— Ага, — заулыбался Палыч. — Даже более того, они с Золотарёвым в одном полку служили. И когда тот в отсутствие командира нажрался и приказал идти в атаку, Вьюнов потерял обе ноги и руку.

— С ума сойти, — я, конечно, обрадовался, но подобное везение мне казалось немислимым. Слишком гладко и быстро был найден потенциальный убийца. Не может быть такого. Только не у нас.

— Держи адрес. Он и живёт-то рядом. И рядом с домом Золотарёва тоже, если ты понимаешь...

Я понимал. Трудно, наверное, было уютиться в каком-нибудь панельном клоповнике на тысячу семей и смотреть из окна на сверкающую башню, где обитала партийная элита, в том числе и тот, кто по дурости оставил тебя почти без конечностей.

— Высылай подмогу на всякий, а пока они едут, я сам постараюсь его взять.

— Добро.

Я дал команду, и навигатор, пискнув, завёл двигатель.

Всё оказалось так, как я и ожидал. Один из восстановленных районов за третьим транспортным кольцом был тёмн и мрачен, но чист и даже немало благоустроен — детские площадки, тощие деревца, вынужденные выживать в заражённой почве, ряды серых пластиковых гаражей-капсул. Двадцатипятиэтажные серые панельные дома стояли параллельно-перпендикулярно друг другу и были похожи, как близнецы, поэтому через пять минут езды по району я в нём окончательно перестал ориентироваться и полагался лишь на навигатор.

А над всем этим возвышался, похожий на яркий сказочный замок, жилой комплекс «Большевик». Шпиль пронзал багровое небо, уходя ввысь, окна светились, как бриллианты — там на электричестве явно не экономили, поскольку многие клерки Дворца работали даже дома и Партия заботилась об их зрении.